

Научно-исследовательская

УДК 366.636[394+159.955]

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.08

ЛИНГВОКУЛЬТУРЕМА «САД» В РОМАНАХ М. А. БУЛГАКОВА

М. А. Авдонина

Институт иностранных языков им. Мориса Тореза МГЛУ,

Ростокинский пр., 13Ас1, Москва, Россия, 107014

E-mail: mavdonina@yandex.ru

Н. И. Жабо

Аграрно-технологический институт РУДН,

ул. Миклухо-Маклая, 8к2, Москва, Россия, 117198

E-mail: zhabo_ni@rudn.university

Аннотация. В статье обсуждается понятие «лингвокультурема» на материале одного языкового знака. Цель данного исследования — рассмотреть эстетику и эмоциональную наполненность лингвокультурема «сад» как части авторского замысла романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова. Сопоставляются культурные концепты, составляющие структуру этой универсальной лингвокультурема, ее вербализаторы: топологическое описание, названия растений, поэтизмы, универсалии христианского мира. Слово «сад» благодаря прецедентным именам и имплицитным оценкам передает авторскую интенцию вечности и жизнеутверждающей силы жизни. Развернутое коннотативное поле «сад» как смыслообразующий центр романов эмоционально окрашено в тона радости, приподнятости, торжественности.

Ключевые слова: лингвокультурема, концепт, М. А. Булгаков, художественный текст.

Для цитирования: Авдонина М. А., Жабо Н. И. Лингвокультурема «сад» в романах М. А. Булгакова // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 1 (41). С. 86–99. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.08>

Scientific research

UDC 366.636[394+159.955]

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.41.1.08

**LINGUO-CULTUREME «GARDEN»
IN THE NOVELS M. BULGAKOV****Marina A. Avdonina**

Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, MSLU

Rostokinskij pr., 13As1, Moscow, Russia, 107014

E-mail: mavdonina@yandex.ru

Nataliya I. Zhabo

Agrarian and Technological Institute of RUDN University,

ul. Mikluxo-Maklaya, 8k2, Moscow, Russia, 117198

E-mail: zhabo_ni@rudn.university

Abstract. The article discusses the concept of “linguo-cultureme” on the material of one linguistic unit. The purpose of this study is to examine the aesthetics and emotional content of the linguo-cultureme GARDEN as part of the author’s concept of novels “White Guard” and “The Master and Margarita” by M. Bulgakov. The cultural concepts that make up the structure of this universal linguocultureme and its verbalizers have been compared: topological description, names of plants, poeticism, the universality of the Christian world. The word garden, thanks to its precedent names and implicit evaluations, conveys the author’s intention of eternity and the life-affirming power of life. The expanded connotative field of garden as the semantic center of the novels is emotionally painted in tones of joy, uplift, solemnity.

Keywords: linguoculture, concept, M. A. Bulgakov, fiction text.

For citation: Avdonina, M. A., & Zhabo, N. I. (2022). Linguoculturema «GARDEN» in the Novels of M. A. Bulgakov. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 1 (41), 86–99. (In Russian). <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.41.1.08>

В процессе приобретения индивидуального и коллективного опыта человек с той или иной степенью эмоциональности воспринимает предметы и явления окружающей действительности, в его сознании формируются ассоциативные представления, чаще всего опосредованные языковыми средствами и культурными стереотипами.

Язык помогает человеку размышлять о референтах, недоступных для его непосредственного чувственного восприятия. В сознании человека формируется особый виртуальный мир, часть которого, иногда значительная, представлена лишь словами, лишенными внутреннего чувственного наполнения: «Не отдельные слова, а их совокупность в составе текста выясняет ситуацию...» [Жинкин, 1958, с. 202]. В процессе актуализации слова коннотативные составляющие его семантической структуры [Телия, 1998, стр. 13] взаимодействуют с коннотативными полями других слов. Благодаря опыту общения человек

учится видеть различия между собственным восприятием какого-либо слова и восприятием этой же единицы другими людьми [Степанов, с. 1997, с. 28].

По мнению Р. Барта, который понимал текст как диалог, сущность литературы состоит именно в коннотации [Барт, 2000, с. 247]. Таким образом, исторический опыт человечества наследуется каждым человеком осознанно и неосознанно [Лакофф и Джонсон, 2004, с. 256]. Это происходит в течение всей жизни человека, переосмысливается, переоценивается. Меняются иерархические отношения внутри семантической структуры слова, оно развивается прогрессивно или регрессивно [Растье, 2001]. Немаловажную роль в этом процессе играет интертекстуальность, подразумевающая, что образованный и внимательный читатель видит цитации, определяет диалог автора и читателя художественного текста.

Важную роль в появлении и разработке научных понятий «культурема» и «лингвокультурема» играют исследования В. Г. Гака, В. В. Воробьева, некоторых других ученых. Так, В. Г. Гак считал, что культурема — это «определенный знак культуры, имеющий в том числе языковое выражение; при этом в культуремах, имеющих языковое выражение, языковой знак является обозначением, а реалья — обозначаемым (под реальями в данном случае понимается все относящееся к культуре: предметы, функции, обычаи, факты поведения и т. п.)» [Гак, 1998, с. 142]. До введения в научный оборот термина «лингвокультурема» его роль в лингвистике выполнял термин «культурема». Этим термином в абсолютном начале 2000-х годов обозначали «языковые знаки, содержащие культурно-значимую информацию», его использовали для обозначения артефактов: конкретных объектов культурной значимости, явлений, событий, поступков человека и моделей реагирования человека на действительность; культурами называли также «концептуальные представления человека об устройстве мира»; кроме того, этот термин использовали «для выражения социальных оценок по отношению к предметному миру и к поведенческой сфере в жизни человека» [Бухонкина, 2002, с. 3]. Термин «лингвокультурема» был предложен В. В. Воробьевым и рассматривался как комплексная межуровневая единица, «которая представляет собой диалектическое единство лингвистического и экстралингвистического (понятийного или предметного) содержания» [Воробьев, 2006, с. 44]. Ученый отмечает, что культурема — элемент действительности (предмет или ситуация), присущий определенной культуре, а лингвокультурема — проекция элемента культуры в языковой знак [Воробьев, 1997, с. 51]. Таким образом, лингвокультурема представляет собой совокупность формы языкового знака, его содержания и культурного смысла, сопровождающего этот знак: слово-сигнал будит в человеке всю совокупность «культурного ореола». Особое внимание в вопросе восприятия лингвокультурема он уделяет глубинному смыслу, потенциально имеющемуся в значении в качестве компонента его содержания, полагая, что «погружение» слов в культуру более полно отражает их языковую и внеязыковую семантику, помогает лучше понять национальную специфику культурных ценностей [Горушкина, 2019, с. 34]. Таким образом, культурема — объект изучения культурологии, а лингвокультурема — объект изучения лингвокультурологии.

Цель данного исследования — рассмотреть эстетику и эмоциональную наполненность лингвокультуры «сад» как части авторского замысла двух романов М. А. Булгакова: «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита»¹.

Задачи:

- Рассмотреть в сопоставительном плане отражение в текстах М. А. Булгакова культурные концепты, составляющие структуру лингвокультуры «сад».
- Определить роль эпитетов, метафор, топонимов и других вербализаторов лингвокультуры «сад», актуализирующих ее в художественной картине мира автора и показывающих его доминантные представления и эмоции.
- Проанализировать имплицитность, косвенный характер выражения оценок, чувств, внутреннего мира персонажей, проявляемых через денотативную и коннотативную структуры лингвокультуры «сад» как смыслообразующего центра романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита».

Методы исследования. В процессе отбора, анализа и описания материала использованы процедуры описательного, интерпретационного, количественного, лингвокультурологического и сопоставительного методов исследования, а также метода лексико-семантического анализа.

Изложение основных результатов исследования. В романах М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» вербализаторы универсальной лингвокультуры «сад» и входящих в нее лингвокультурных концептов «Гефсиманский сад», «Сад Ирода Великого», «Сад Понтия Пилата», «Царский сад», «Кипрейские сады», «Сады Версаля», «Сады Киева», «Александровский сад» имеют для писателя особое структурообразующее значение. Судьбоносные для персонажей события происходят в разных садах, имеющих много общих признаков. Сад для М. А. Булгакова, как и для А. П. Чехова, является транслятором авторских интенций вечности и жизнеутверждающей силы жизни, цикличности ее обновления и стремления к прекрасному. Любое упоминание о саде имеет отношение к коннотативному полю текста и гипертекста. Общепринятое в литературоведении отношение к описанию природы как к фону развития событий и характеристики персонажей не применимо к пассажам, касающимся описания садов в этих двух романах. Само слово «сад» становится статистически значимым, частота его употребления резко повышается.

Коннотативно «сад» М. А. Булгакова особенно подробно раскрывается при вербализации лингвокультурного концепта «Сад Понтия Пилата», который находился рядом с дворцом Понтия Пилата. «Кого из читателей “Мастера и Маргариты” не восхищали живописность, топографическая аккуратность и богатство конкретных деталей в описании М. А. Булгаковым столицы Иудеи!», — пишет И. Л. Галинская [Галинская, 2000, с. 90] именно затем, чтобы опровергнуть идею о достоверности деталей описания места в романах,

¹ Цитируется по: *Булгаков М. А.* Белая гвардия // М. А. Булгаков. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Художественная лит-ра, 1989. С. 178–429 (при цитировании — «Б. г.»); *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита. Пермь: Стрелец, 2000. 480 с. (при цитировании — «М. М.»).

при этом Иерусалим, по ее мнению, описывается по макету-реконструкции и описанию Ю. Ф. Виппера [Галинская, 2000, с. 96].

Во-первых, писатель совершенно конкретен в топологическом описании сада:

«Покинув верхнюю площадку сада перед балконом, он по лестнице спустился на следующую террасу сада, повернул направо и вышел к казармам...» («М. М.», с. 301);

«...где каменная стена отделяла нижние террасы дворцового сада от городской площади...» («М. М.», с. 35);

«...близ мраморной скамьи в саду...» («М. М.», с. 290);

«...на нижней террасе сада в круглой беседке с фонтаном» («М. М.», с. 39);

«...когда на верхней террасе сада у двух мраморных белых львов, стороживших лестницу...» («М. М.», с. 35);

«заносило дымком в колоннаду через верхнюю площадку сада...» («М. М.», с. 2).

Во-вторых, описание сада изобилует названиями растений:

«Прокуратору казалось, что розовый запах источают кипарисы и пальмы в саду...» («М. М.», с. 20);

«Но, выйдя из-под колоннады на заливаемую солнцем верхнюю площадь сада с пальмами на чудовищных слоновых ногах...» («М. М.», с. 35);

«Пропал отягощённый розами куст, пропали кипарисы, окаймляющие верхнюю террасу, и гранатовое дерево, и белая статуя в зелени, да и сама зелень» («М. М.», с. 37);

«...присесть на скамью в тени магнолии...» («М. М.», с. 3).

В-третьих, сад описывается поэтически:

«...и слышно было, как ворковали голуби на площадке сада у балкона, да еще вода пела замысловатую приятную песню в фонтане» («М. М.», с. 21);

«...с ударом, похожим на пушечный, как трость переломило кипарис: Вместе с водяною пылью и градом на балкон под колонны несло сорванные розы, листья магнолий, маленькие сучья и песок. Ураган терзал сад» («М. М.», с. 291);

«...и лунная ночь тотчас отступила в сад, как будто бы Афраний увел ее с собою» («М. М.», с. 317).

«Фонтан совсем ожил и распелся во всю мочь, голуби выбрались на песок, гулякали, перепрыгивали через сломанные сучья, клевали что-то в мокром песке» («М. М.», с. 293).

«Но, улегшись у ног и даже не глядя на своего хозяина, а глядя в вечереющий сад, пес сразу понял, что хозяина его постигла беда» («М. М.», с. 301).

В-четвертых, сад играет главную роль в описании трагедии Понтия Пилата в конце романа в видениях Иванушки:

«...он видел город странный, непонятный, несуществующий, с глыбами мрамора, источенными колоннадами, со сверкающими на солнце крышами, с черной мрачной и безжалостной башней Антония, со дворцом на западном

холме, погруженным до крыш почти в тропическую зелень сада, с бронзовыми, горящими в закате статуями над этой зеленью, он видел идущие под стенами древнего города римские, закованные в броню, кентурии.

В дремоте перед Иваном являлся неподвижный в кресле человек, бритый, с издерганным желтым лицом, человек в белой мантии с красной подбивкой, ненавистно глядящий в пышный и чужой сад. Видел Иван и безлесый желтый холм с опустевшими столбами с перекладинами» («М. М.», с. 327).

И, наконец, коннотативное поле лингвокультуры «сад» у М. А. Булгакова несет в себе главные составляющие, универсальные для христианского мира: Эдем, райский сад, Царский сад, земля — сад. Это развернутое коннотативное поле, в целом, положительное. Оно эмоционально окрашено в тона радости, приподнятости, торжественности:

«Над черной бездной, в которую ушли стены, загорелся необъятный город с царствующими над ним сверкающими идолами поверх пышно разросшегося за много тысяч этих лун садом» («М. М.», с. 371).

Сад соединяет два мира: мир земной и мир небесный. Это не только сад стольных городов, сад царей, но и райский сад.

Два романа — «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» — для нас единое проявление личности автора. Казалось бы, в первом из них нет места саду: действие протекает в снежном зимнем Киеве, и все же само слово употреблено 14 раз!

Универсальная лингвокультура «сад» служит в романах М. А. Булгакова средством, указывающим на некое объединяющее начало описываемых событий. Несмотря на разные места действия М. А. Булгаков соединяет место своих романов:

1. Сады царя Ирода в Иерусалиме. Царский сад известен по Священному писанию (4 Цар. 25:4, Иер. 39:4) и, вероятно, находился на южной стороне Иерусалима. Отсюда и религиозная приподнятость, торжественность настроения при описании. Отсюда же и перечисление культурно и концептуально значимых эпитетов «райский — царский — вечный». Как видно из описания в исторических главах, М. А. Булгаков прекрасно владеет содержанием прецедентных библейских топоконцептов и создает эффект достоверности происходящего:

«...ну хотя бы в садах на Елеонской горе» («М. М.», с. 2);

«...и все это утонуло в густейшей зелени капрейских садов» («М. М.», с. 30) (имеется в виду остров Капри (Капрея), где уединенно жил Тиберий));

«...недалеко от масличного жома в Гефсиманском саду» («М. М.», с. 312).

Он описывает особенности ландшафта:

«...шум моря, подкатывающего к самым стенам сада Ирода Великого» («М. М.», с. 39).

Он добавляет мелкие детали, интуитивно чувствуя их верность:

«...на дороге в Виффагии, там, где углом выходит фиговый сад» («М. М.», с. 25);

«на нижней террасе сада в круглой беседке с фонтаном» («М. М.», с. 39);

«на верхней террасе сада у двух мраморных белых львов, стороживших лестницу» («М. М.», с. 35);

«близ мраморной скамьи в саду» («М. М.», с. 290).

Он описывает сад через названия растений:

«Прокуратору казалось, что розовый запах источают кипарисы и пальмы в саду» («М. М.», с. 20);

«Пропал отягощенный розами куст, пропали кипарисы, окаймляющие верхнюю террасу, и гранатовое дерево, и белая статуя в зелени, да и сама зелень» («М. М.», с. 37);

«присесть на скамью в тени магнолии» («М. М.», с. 39);

«Из сада через ограду выливалась волна запаха миртов и акаций с Гэфсиманских полян» («М. М.», с. 307).

Он поэтизирует сад:

«и лунная ночь тотчас отступила в сад, как будто бы Афраний увел ее с собою» (М. М., с. 317).

2. Сады Версаля — летней резиденции королей Франции на ковре гостиной:

«...с Людовиком XIV, нежащемся на берегу шелкового озера в райском саду...» («Б. г.», с. 181);

«...и торопливому стуку и шороху ответил плещущий колокольчиками гавот оттуда, где Людовик XIV нежился в небесно-голубом саду на берегу озера...» («Б. г.», с. 340).

Заметим, что это и главный сюжет Александра Бенуа, главы художественного объединения «Мир искусства», создавшего в 1897 году знаменитую серию акварелей «Последние прогулки Людовика XIV», где воплощается идеал изысканности и неги аристократической роскоши эпохи Короля-Солнца, которую художник считал вершиной цивилизации, раем. М. А. Булгаков с ним полностью согласен.

3. Сады детства и юности Турбиных. Сад связан в сознании писателя с воспоминаниями о доме, уютном, родном, с ковром, и даже в заснеженном Киеве. В «Белой гвардии» М. А. Булгаков описывает сады и создает:

– обобщенный образ Киева:

«Сады стояли безмолвные и спокойные, отягченные белым, нетронутым снегом. И было садов в Городе так много, как ни в одном городе мира. Они раскинулись повсюду огромными пятнами, с аллеями, каштанами, оврагами, кленами и липами» («Б. г.», с. 218);

– сад гимназии:

«И ровно восемь же лет назад в последний раз видел Турбин сад гимназии» («Б. г.», с. 25).

«И вот высадился все там же, на этом самом плацу, в том же саду» («Б. г.», с. 252);

– сады казенных дач:

«Медленно и верно рассветало, и над садами казённых дач <...> вставал и расходился туман» («Б. г»., с. 299);

– соседские сады:

убегая от погони, Турбин «увидел ее (Юлию Александровну Рейсс) в самый момент чуда, в черной мшистой стене, ограждавшей наглухо снежный узор деревьев в саду» («Б. г»., с. 348);

повернув за ней, он заметил «на правой руке какой-то белый, сказочный многоярусный сад» («Б. г»., с. 348);

после третьей низенькой калиточки он «оказался в белом саду, но уже где-то высоко и далеко от роковой Провальной» («Б. г»., с. 348).

Таким образом, раненый Алексей Турбин и его спасительница «пробежали три сада» («Б. г»., с. 351). То есть путь к спасению лежал через сад: «какой-то белый, сказочный многоярусный сад» («Б. г»., с. 348).

А в конце романа в тот же дом с садом судьба приводит Николку:

«Позвонил у двери флигеля, приютившегося в первом ярусе сада» («Б. г»., с. 399).

– Царский сад Киева:

«Сады красовались на прекрасных горах, нависших над Днепром, и, уступами поднимаясь, расширяясь, порою пестря миллионами солнечных пятен, порою в нежных сумерках, царствовал вечный Царский сад» («Б. г»., с. 218).

«С террас был виден в море снега залегший напротив на горах Царский сад...» («Б. г»., с. 398).

Царский сад, или Государев, был учрежден в 1743 году по проекту архитектора Растрелли на месте старинного Регулярного сада, заложенного по указу Петра I как образцовый плодовый сад. На Южном склоне был высажен виноградник, ближе к Владимирскому спуску с Печерска на Подол разбили розарий, на месте которого сейчас находится стадион «Динамо» имени Валерия Лобановского. В 1763 году садовые мастера Д. Фок и Л. И. Гофмейстер руководили высадкой новых плодовых деревьев и созданием оранжерей. В 1862 году в долине роз было построено увеселительное заведение «Шато-де-Флёр» и устроены фонтаны. Во времена юности, проведенной М. А. Булгаковым в родном Киеве, лучшим уголком Царского сада был Купеческий сад. (М. О. Чудакова цитирует: «Ходили в Купеческий сад на каждый симфонический концерт»; «...Это были времена легендарные, те времена, когда в садах самого прекрасного города нашей родины жило беспечальное юное поколение» [Чудакова, 1988], находившийся на выступе высокого холма с обрывом к Днепру и к Подолу, где сейчас находится Крещатый парк, Арка дружбы народов, Киевская филармония и водонапорная башня. Там устраивались симфонические концерты. Стихотворение «Баллада» (1930) Бориса Пастернака, посвящено концерту пианиста Генриха Нейгауза в этом саду:

Дрожат гаражи автобазы.
Нет-нет, как кость, взблеснет костел.
Над парком падают топазы,
Слепых зарниц бурлит котел.
В саду — табак, на тротуаре —
Толпа, в толпе — гуденье пчел,
Разрывы туч, обрывки арий,
Недвижный Днепр, ночной Подол.
«Пришел», — летит от вяза к вязу,
И вдруг становится тяжел
Как бы достигший высшей фазы
Бессонный запах маттиол...

И далее: «метель полночных маттиол», «угар араукарий», «парк на крутояре» и другие характеристики киевской городской лингвокультуры «купеческий сад».

4. Александровский сад в Москве. Этот сад носит имя царя-победителя Александра I. В этом саду происходит встреча Маргариты и Азazelло.

Сад — это важнейшая часть жизни в достатке:

«...и не отдельный сад, и не деньги...» («М. М.», с. 210).

Сад у М. А. Булгакова связан с мечтаниями:

«Вовсе не воздух влечет его в сад, он что-то видит в это весеннее полнолуние на луне и в саду, в высоте» («М. М.», с. 382);

— с детскими грезами: персонажи «Белой гвардии» грелись у печки, глядя на ковер и слышали «плещущий колокольчиками гавот оттуда, где Людовик XIV нежил в небесно-голубом саду на берегу озера...» («Б. г.», с. 340).

Персонажи анализируемых романов живут непременно в домах с садом:

«Старинный двухэтажный дом кремового цвета помещался на бульварном кольце в глубине чахлого сада...» («М. М.», с. 55);

«...весь верх прекрасного особняка в саду...» («М. М.», с. 210);

или, по меньшей мере, с садиком:

«...две комнаты в подвале маленького домика в садике» («М. М.», с. 135).

«Кони роют землю, содрогается маленький сад» («М. М.», с. 36).

Действия всех персонажей романа М. А. Булгакова так или иначе связаны с садом. При этом каждый сад предлагается читателю в ощущение: одуряюще пахнут мирты и акации, гремит соловьиное пение, слышен шум моря. Читатель погружается в атмосферу места и времени действия романа.

Но это только на первый взгляд. На самом же деле при сравнительном анализе романов «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» мы находим совпадающие элементы описания Киева, Москвы и Ершалаима, которые отражают внутренний мир писателя и дорогие его сердцу воспоминания, образ дома его юности, около которого росла акация и пели соловьи, переносят в ключевые для его картины мира места:

«...ветви акации у тротуара, летом темнившие окна Турбиных...» («Б. г.», с. 365).

«Когда отпевали мать, был май, вишневые деревья и акации наглухо залепили стрельчатые окна» («Б. г.», с. 179);

«... серая фигура слезла с ветки акации...» (Б. Г., с. 202);

«Темнота с улицы глянула на Василису куском серого неба, краем акаций, пушинками» («Б. г.», с. 368);

«Липы и акации разрисовали землю в саду сложным узором пятен» («Б. Г.», с. 368);

«Теперь уж соловьи, наверно, поют» («М. М.», с. 59);

«Нет, нет, и я решила уйти за город слушать соловьев» (М. М., с. 305);

«Работы закончились на закате, и теперь над Иудой гремели и заливались хоры соловьев» («М. М.», с. 307);

«Весь Гефсиманский сад гремел в это время соловьиным пением» («М. М.», с. 308).

Отметим, что концепт «Соловей» в сознании М. А. Булгакова включает в себя и негативные коннотации:

«...уже свищет соловьем разноцветная шлычная конница...» («Б. г.», с. 282);

«Ну, взял на пробу горемыка мандарин. И вся-то цена этому мандарину три копейки. И вот они уж свистят, как соловьи весной в лесу...» («М. М.», с. 340).

М. А. Булгаков, чтобы не повторять слово сад, часто использует метафору, синекдоху:

«Второе знамение пришло летом, когда Город был полон мощной пыльной зеленью» («Б. г.», с. 225).

Лингвокультурема «сад» представлена в романах М. А. Булгакова как значимая фигура диалектики происходящего в романах сквозь призму индивидуальной художественной картины мира писателя, глубинных слоев его опыта и психики. М. А. Булгаков очень нежен, сострадателен в описании садов:

«Кони роют землю, содрогается маленький сад» (М. М., с. 360);

«он видит пышный, но еще не одетый сад» (М. М., с. 381);

даже когда показывает сад на завершающем этапе его жизненного цикла как символ умирания старого мира:

«Старинный двухэтажный дом ...в глубине чахлого сада» («М. М.», с. 55);

или когда буря в душе Пилата и гроза в Иерусалиме предстоят искупительной жертве Христа:

«с ударом, похожим на пушечный, как трость переломило кипарис. Вместе с водяною пылью и градом на балкон под колонны несло сорванные розы, листья магнолий, маленькие сучья и песок. Ураган терзал сад» [«М. М.», с. 291].

В романе «Белая гвардия», действие которого происходит зимой, слово «сад» употребляется 15 раз. На первых 50 страницах романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» слово «сад» употреблено писателем 22 раза. В общей сложности в этом романе слово «сад» использовано 69 раз. На наш взгляд, адрес — Садовая, — который писатель выбрал как одно из главных мест действия романа, — это компонент булгаковского бессознательного. Мы подсчитали, что слово «сад» используется для описания событий, происходящих вокруг Понтия Пилата, 45 раз, а для событий, происходящих в Москве, — 24 раза, плюс к этому не менее 20 импликаций, например:

«Попав в тень чуть зеленеющих лип» (М. М., с. 7);

«О трижды романтический Мастер, неужто вы не хотите днем гулять со своею подругой под вишнями, которые начинают зацветать, а вечером слушать музыку Шуберта?» (М. М., с. 371).

Сад в сознании М. А. Булгакова ассоциируется с самыми приятными моментами жизни, с самыми сокровенными воспоминаниями.

Особенностью развитой цивилизации является то, что готовая система номинаций позволяет человеку узнать мир через слова, а не слова через мир. Человек не ищет названия складывающемуся в его сознании понятию, но старается понять слово как готовую систему оппозиций. В общественном сознании слово имеет более богатую палитру оппозиций, нежели в отдельном индивидуальном сознании. В то же время в индивидуальном сознании иерархия этих оппозиций может на разных этапах становления отношения «слово – понятие» или «слово – предмет» значительно отличаться от общепринятой: какая-либо существенная оппозиция может не приниматься как таковая или отойти на второй план, а какая-либо несущественная стать основной, доминирующей.

Таким образом, наше исследование в полной мере доказывает, что лингвокультурема «сад» является структурообразующей в романах М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита». Система данной лингвокультуремы в текстах этих произведений включает в себя несколько универсальных лингвокультурных топоконцептов («Гефсиманский сад», «Царский сад», «Сад Ирода Великого», «Сад Понтия Пилата», «Кипрейские сады») и региональных лингвокультурных топоконцептов («Сады Киева», «Александровский сад»). Лингвокультурема «сад» — одна из стержневых в индивидуальной и художественной картинах мира М. А. Булгакова. Достаточно широк спектр денотативных знаний и коннотативно обусловленных эмоций, которые писатель передает средствами вербализации концептов, входящих в данную лингвокультурему. Действия всех персонажей в указанных романах М. А. Булгакова так или иначе связаны с садом. Сад в булгаковских текстах имеет развернутые коннотации, в целом положительные, радостные, торжественные. С помощью лингвокультурных топоконцептов лингвокультуремы «сад» М. А. Булгаков соединяет место действия своих романов: Царский сад Киева в «Белой гвардии», сады царя Ирода в Ершалаиме (Иерусалиме) и Александровский сад в Москве.

Путь прочтения художественного произведения является социально обусловленным, хотя и принято считать, что этот путь выбирает сам читатель, создавая при этом свою интерпретацию текста. Благодаря этому вполне закономерному парадоксу многие известные литературные произведения по-разному прочитываются, осмысляются и интерпретируются разными читателями. В то же время эта разница относительна. При сохранении коннотативного значения того или иного ключевого слова-образа, каковым слово «сад» является благодаря функционированию в составе прецедентных имен, в том числе библейских, сохраняется способность аллюзивного воздействия образа и его устойчивых коннотаций на новый социум. Осмысление прежней образности в целом сохраняется, обогащаясь новыми денотативными представлениями о данном феномене. Прецедентное функционирование универсальной лингвокультуры «сад» в романах М. А. Булгакова «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» передает авторскую интенцию возрождения жизни, ее циклического обновления и стремления человека в ней к вечному, хотя и ранимому прекрасному.

Творцы — люди яркой индивидуальности — предлагают менее активным в познании читателям свое восприятие, и особенности психологии одного человека становятся достоянием общества. Можно предложить особое издание исследуемых романов: с мультимедийным приложением, (звук, анимацией, отсылкой к иллюстративным и информативным материалам). Таким способом можно создать визуализацию верных образов, коннотаций, аллюзий.

Список источников

1. Барт Р. Основы семиологии // Французская семиотика: от структурализма к постструктурализму / пер. с фр. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 2000. С. 247–310.
2. Булгаков М. А. Белая гвардия // Булгаков М. А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 1. М.: Художественная лит-ра, 1989. С. 178–429.
3. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Собр. соч.: в 5 т. Т. 5. Пермь: Стрелец, 2000. 480 с. С. 5–384.
4. Бухонкина А. С. Типы асимметрии культурем (на материале французского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20: сравн.-историч., типологич. и сопоставит. языкозн. Волгоград: ВГУ, 2002. 22 с.
5. Воробьев В. В. Лингвокультурология: монография, М.: Изд-во РУДН, 2006. 112 с.
6. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы), М.: Изд-во РУДН, 1997. 331 с.
7. Гак В. Г. Языковые преобразования. М.: Языки русской культуры, 1998. 768 с.
8. Галинская И. Л. Ершалаим и его окрестности в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» // Россия и современный мир. 2000. № 4. С. 90–97.
9. Горюшкина А. В. Лингвокультуры в структуре современного поэтического дискурса сетевого автора Али Кудряшевой: функциональный аспект изучения: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01: русский язык. Череповец: ЧГУ, 2019. 185 с.
10. Жинкин Н. И. Механизмы речи. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1958. 370 с.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.

12. Растье Ф. Интерпретирующая семантика. Нижний Новгород: Деком, 2001. 367 с.
13. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 1997. 992 с.
14. Телия В. Н. Коннотация // Большой энциклопедический словарь. Языкознание. М.: Большая российская энциклопедия, 1998. С. 236–238.
15. Чудакова М. О. Жизнеописание Михаила Булгакова. М.: Книга, 1988. 672 с.

References

1. Bart, R. (2000). *Osnovy semiologii* [Fundamentals of Semiology]. In: Kosikova G. K. (tr. from French and introductory article). *Frantsuzskaia semiotika: ot strukturalizma k poststrukturalizmu* [French semiotics: from structuralism to post-structuralism], 247–310. Moscow: Editorial URSS. (In Russian).
2. Bukhonkina, A. S. (2002). *Tipy asimmetrii kul'turem (na materiale frantsuzskogo i russkogo iazykov)* [Types of culturems asymmetry (on the basis of French and Russian languages)]. *Extended abstract of candidate's thesis*: 10.02.20. Volgograd: VGU. 22 p. (In Russian).
3. Bulgakov, M. A. (1992). *Belaya gvardiya* [White Guard]. In: Bulgakov M. A. *Collected Works: in 5 volumes*, 1, 178–429. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
4. Bulgakov, M. A. (1992). *Master i Margarita* [Master and Margarita]. In: Bulgakov M. A. *Collected Works: in 5 volumes*, 5, 5–384. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).
5. Chudakova, M. O. (1988). *Zhizneopisanie Mikhaila Bulgakova* [Biography of Mikhail Bulgakov]. Moscow: Book. 672 p. (In Russian).
6. Gak, V. G. (2016). *Iazykovye preobrazovaniia* [Language transformations]. Moscow: Librocom. 408 p. (In Russian).
7. Galinskaya, I. L. (2000). *Ershalaim i ego okrestnosti v romane Mikhaila Bulgakova "Master i Margarita"* [Yershalaim and its surroundings in the novel by Mikhail Bulgakov "Master and Margarita"]. *Rossiiia i sovremennyi mir* [Russia and the modern world], (4), 90–97. (In Russian).
8. Gorushkina, A. V. (2019). *Lingvokul'turemy v strukture sovremennogo poeticheskogo diskursa setevogo avtora Ali Kudriashevoi: funktsional'nyi aspekt izucheniia* [Linguoculturems in the structure of the modern poetic discourse of the network author Ali Kudryasheva: a functional aspect of the study]. *Candidate's thesis*: 10.02.01. Cherepovets: Cherepovets State University. 185 p. (In Russian).
9. Lakoff J., & Johnson M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by]. Moscow: Editoria URSS. 256 p. (In Russian).
10. Rastier F. (2001). *Interpretiruiushchaia semantika* [Interpretive Semantics]. Nizhniy Novgorod: DEKOM Publ. 368 p. (In Russian).
11. Stepanov, Yu. S. (1997). *Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury* [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: School "Languages of Slavic Culture". 992 p. (In Russian).
12. Teliia, V. N. (1998). *Konnotatsiya* [Connotation]. *Linguistics: Big Encyclopedic Dictionary* (pp. 236–238). Moscow: Great Russian Encyclopedia. (In Russian).
13. Vorobyov, V. V. (2006). *Lingvokul'turologiia* [Linguoculturology]: Monograph. Moscow: Publishing house of RUDN University. 112 p. (In Russian).
14. Vorobyov, V.V. (1997). *Lingvokul'turologiia (teoriia i metody)* [Linguoculturology (theory and methods)]. Moscow: RUDN University Press. 331 p. (In Russian).
15. Zhinkin, N. I. (1958). *Mekhanizmy rechi* [Mechanisms of speech]. Moscow: APN RSSFR. 378 p. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors:

Авдонина Марина Алексеевна — кандидат психологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета заочного обучения Института иностранных языков им. Мориса Тореца Московского государственного лингвистического университета.

107014, Россия, Москва, Ростокинский пр., д. 13А, стр. 1

Avdonina Marina Alekseevna — Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Faculty of Distance Learning, Maurice Thorez Institute of Foreign Languages, Moscow State Linguistic University.

107014, Russia, Moscow, Rostokinskij pr., d. 13A, str. 1

E-mail: mavdonina@yandex.ru

Жабо Наталья Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Аграрно-технологического института Российского университета дружбы народов.

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 8, корп. 2

Zhabo Natalia Ivanovna — Candidate of Philological Sciences, Associate lecturer of the Department of Foreign Languages of the Agrarian and Technological Institute, RUDN University.

117198, Russia, Moscow, ul. Mikluxo-Maklaya, d. 8, korp. 2

E-mail: zhabo_ni@rudn.university